

Геннадий Дмитриев

Весь мир под крылом

Рассказы

Геннадий Дмитриев

Весь мир под крылом. Рассказы

«Издательские решения»

Дмитриев Г. И.

Весь мир под крылом. Рассказы / Г. И. Дмитриев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502486-2

Это рассказы об авиации, о людях, связавших свою судьбу с небом, о их непростых судьбах, о том, как сложно бывает в критической ситуации принять единственно верное решение, и, конечно же, о любви, чистой и светлой, как небо. Кто из людей не мечтал подняться в небо и посмотреть на мир с высоты? Большинство из нас видят его из пассажирского кресла современного авиалайнера. Читателям этих рассказов предоставляется возможность увидеть мир из кабины экипажа.

ISBN 978-5-00-502486-2

© Дмитриев Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Вспышка сверхновой звезды	6
Одесса разрешает посадку	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Весь мир под крылом Рассказы

Геннадий Иванович Дмитриев

© Геннадий Иванович Дмитриев, 2019

ISBN 978-5-0050-2486-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вспышка сверхновой звезды

Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожка каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?

Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня.

А. Грин

За окном унылый пейзаж, серая, сырая мгла, пронизанная ветром и дождем. Ветер летит над аэродромом и рвет о мачты антенн низкие облака. Косой дождь бьет по окнам, и мокрые листья деревьев хлещут по стеклу. И рев ветра, и барабанная дробь дождя, и удары мокрой листвы по стеклу сливаются в сплошной гул, заполняющий все пространство, пронизывающий души тех, кто прижат к земле непогодой в маленьком, затерянном городке.

В залах ожидания аэровокзала пассажиры сидят на скамьях, на чемоданах и просто на полу, сквозь дремоту прислушиваясь: не объявят ли посадку на их рейс? Но динамик молчит, посадку не объявляют, непогода крепко держит в порту, не предназначенном для обслуживания такого количества рейсов, десятки бортов.

Экипаж самолета Ту-154М, выполняющего рейс «Архангельск – Одесса», мается бездельем в тесной комнатке местного профилактория, гостиницы для экипажей. Командир, Анатолий Иванович, грузный, лысеющий пилот, долетывающий последние часы перед уходом на пенсию, с мрачным видом смотрит в окно, разминая пальцами не зажженную сигарету. Курить он бросил несколько лет назад, следуя рекомендациям врачей, стараясь отдалить признаки неизбежно надвигающейся старости и, насколько это возможно, продлить свое пребывание на летной работе. Хотя понимал – долго не продержаться – если не спишут по состоянию здоровья его, то спишут самолет, такой же старый, как и его командир. «Тушки», выпущенные еще в советское время, но не отлетавшие свой, определенный ресурсом, срок и вполне годные для эксплуатации, ставили в «железный ряд» – в очередь на разрезку под металллом, заменяя их более экономичными, хотя и порядком изношенными (новые дороже) «боингами» и «аэробусами». А если спишут самолет, то спишут и его, никто не станет тратить деньги на переобучение пилота, которому летать-то осталось всего ничего.

Он вспомнил, как начинал свою летную жизнь на маленьком самолетике Ан-2, называемом в народе «кукурузником», в аэропорту «Одесса-Застава». Тогда он был молод, красив с гордостью носил на плечах авиационные погоны, расправляя плечи, как крылья и, подходя к своему старенькому самолету, похлопывал его по крылу, приговаривая: «Ну что, старик, еще полетаем?».

Как давно это было! Как хотел он тогда повзрослеть! Мечтал о тяжелых авиалайнерах, дальних рейсах и больших высотах. Вот и пришло это время: повзрослел, постарел, добился всего, о чем мечтал, но летать осталось уже совсем немного. И его «старик», Ан-2, тихо догнивал на дальней стоянке со снятым винтом и оборванной перкалью на крыльях.

Да и самого аэропорта «Застава» уже давно нет, сейчас на бывшем летном поле – кладбище. Печально и смешно, где впервые поднялся в небо как профессиональный пилот, там придется и в землю лечь.

Бортинженер, тоже не молодой, но сохранивший остатки шевелюры, Николай Петрович, глядя на муки командира, терзающего не зажженную сигарету, сказал:

– Да что ты, командир, дурью маешься, закури.

– Да ну тебя, Петрович! – ответил командир и отложил сигарету.

Штурман, Иван Ильич, почти лысый, с остатками прически над ушами и на затылке, но сохранивший стройность фигуры, выглядел, как экзотический реликтовый экземпляр, занесенный в «Красную книгу». Многие экипажи «тушек», не говоря уже о «боингах» и «аэробусах», давно летали без штурмана. На современных заграничных машинах такой должности вообще не предусмотрено, вот и на «тушках» руководители авиакомпаний старались обходиться минимальным составом экипажа, но Анатолий Иванович руководству компании заявил: «Без штурмана летать не буду!». Его уважали, с ним считались, штурмана в его экипаже оставили.

Штурман вытащил из портфеля с навигационными документами колоду карт и сказал:

– Ну что, ребята, может «пулю» распишем?

– Отстать, настроения нет, – пробурчал командир.

Бортинженер рассмеялся.

– Чего смеешься? – спросил Иван Ильич.

– Да так, анекдот вспомнил. Перед полетом командир спрашивает: «Штурман, карты взял?». А тот отвечает: «Взял, две колоды». Командир говорит: «Вот, черт! Опять придется по пачке „Беломора“ лететь!».

Все рассмеялись, но молодой второй пилот, Вася, молчал, а потом, когда смех затих, недоуменно спросил:

– А причем тут «Беломор»? Не понял.

И все снова рассмеялись.

– Эх, молодежь! – ответил штурман, – не знаете вы историю своей Родины. Были когда-то такие папиросы, «Беломор-канал».

– Ну?

– Так вот, на пачке была карта европейской части Союза изображена, понял?

– А...а, – протянул Вася и вздохнул.

– А, все же, командир, – не унимался штурман, – может, перекинемся в картишки?

Да отвяжись, Ильич, со своими картами, говорю, настроения нет. Пойди, лучше, в метеослужбу, карту погоды посмотри. Долго еще нам в этой дыре торчать? Завтра у сына день рождения, а мы тут...

– Да, семьи ждут, – ответил бортинженер, – такова уж доля у жен пилотов – ждать.

– А меня вот, никто не ждет, – вздохнул Вася.

Второй пилот, по причине своей молодости, был не женат, родители жили далеко, в русской глубинке, а он, недавний выпускник летного училища, снимал квартиру рядом с аэропортом. Современных девушек, мечтающих удачно выйти замуж, не привлекали молодые люди, хотя и посвятившие жизнь весьма романтической и неплохо оплачиваемой профессии, но не имевшие ни собственной квартиры, ни машины, ни других материальных ценностей, гарантировавших своей избраннице безбедную и радостную жизнь с отдыхом на популярных заграничных курортах. А потому, единственным существом, ожидавшим возвращения Васи из полета, был рыжий кот хозяйки квартиры, тети Софы, который по странному, а может и не очень странному, стечению обстоятельств был тезкой второго пилота.

– Да ты что, Вася, – сказал штурман, – молодой, красивый парень, и не можешь себе бабу найти?

– Профессия не престижная, – ответил Вася.

– Это летчик-то профессия не престижная? – удивился командир. – Ну-ну.

– Да, командир, не престижная! Девкам молодым теперь бизнесменов подавай! В моде нынче юристы, менеджеры, экономисты, а летчик что? Сегодня пилот – завтра грузчик на базаре. Познакомишься с кем, как услышат, что пилот, – нос воротят.

– Не с теми знакомишься, – пробурчал командир.

– Не дрейфь, Вася, – сказал штурман, – встретишь еще девушку своей мечты. Где-то по земле твоя судьба бродит, и найдет тебя. Каждому человеку своя половинка уготовлена, будь она мегера или ангел небесный, – все равно рано или поздно найдет тебя, и никуда от нее не денешься, это они выбирают нас, а не мы их.

– Глупости, – ответил бортинженер. – Человек сам судьбу свою выбирает, не верю я в эти бредни романтические!

– И в Бога не веришь? – спросил командир.

– И в Бога не верю. «Боги» в метеослужбе погоду делают.

– Нет, Петрович, – ответил командир, – это Боги на небе погоду делают, а те, в метеослужбе, пытаются угадать их намерения, но хреновато у них получается, никак не могут сказать, когда этот чертов циклон кончится. А в судьбу я все-таки верю, прав штурман, есть на земле женщина, которая тебе судьбой предназначена, но не всегда встретить ее удастся.

– Вот, Вы-то встретили, а я,.. – печально произнес Вася.

Командир задумался, посмотрел в окно, снова взял не зажженную сигарету и произнес:

– Да, Вася, встретил, но женился не на ней, а на другой.

– Вот это да! Как же это, Анатолий Иванович? Расскажите, если не секрет, – попросил второй пилот, но командир только махнул рукой.

– Да рассказывать, собственно, нечего.

– И все же? – заинтересовался бортинженер, Николай Петрович.

– Признавайся, Иваныч, что и с кем было? – Иван Ильич поближе пододвинулся к командиру.

– Да и не было почти ничего. Давно, много лет назад, на седьмой станции Большого Фонтана увидел я девушку в окне трамвая. Я на остановке стоял и смотрел на нее. Сразу понял – это именно та, что судьбой мне предназначена, казалось, знаю ее давно, тысячу лет, может, в прошлой жизни с ней встречались, но такое было чувство, что это именно она, моя судьба. И она меня узнала. Так смотрела на меня, будто мы с ней давно знакомы.

– И что потом? – спросил штурман.

– А ничего. Трамвай уехал, а я так и остался, больше мы с ней не виделись.

– Так надо было в трамвай вскочить и поговорить с ней! – воскликнул бортинженер. – Говорю же, сам человек свою судьбу определяет! А ты, что же? Вот так стоял и смотрел, как она уезжает?

– Да мне тогда семнадцать лет было! Молодой был, скромный, и вообще так обладел, что и с места сдвинуться не мог! А ты говоришь.

– Это просто тебе показалось, – сказал Николай Петрович.

– Да нет, не показалось. Потом она мне долго каждую ночь снилась. Два года на остановку эту бегал и все в окна вагонов смотрел, но больше так ее и не увидел. Потом уже, когда со своей Галкой познакомился, эти видения постепенно забылись.

– Глупости, – сказал бортинженер, – юношеские бредни. Скажи, командир, кто твоим любимым писателем в то время был? Какие книги читал?

– Грин, я до сих пор его книги перечитываю.

– Вот! – воскликнул Николай Петрович. – Так я и думал! «Бегущая по волнам», Фрези Грант, Биче Сениэль. Начитался романтики, – вот и померещилось тебе, а ты и нюни распустил! А я вот, Экзюпери читал, потому и в авиацию пошел.

– Ну, Экзюпери я тоже читаю, – сказал Анатолий Иванович, – кто из пилотов не зачитывался Экзюпери?

Вася молчал, глядя на их спор, и штурман спросил второго пилота:

– А молодежь что нынче читает? Или вы теперь кино предпочитаете? А, Вася?

– Я лично Чейза читаю, ну еще Агату Кристи, но это уже отстой.

– Да, Чейз тоже отстой, Вася! – воскликнул бортинженер. – Сейчас молодежь Дарью Донцову читает!

– Та! – отмахнулся Вася, – Чейз мне больше нравится. Вот и сейчас читаю.

– А ну, покажи, – попросил штурман, – что ты там читаешь?

Вася протянул штурману книгу.

– А, Чейз, «Весь мир в кармане». Боже, Вася, какие глупости – мир в кармане! Да у тебя весь мир под крылом! Был бы я писателем, написал бы такой роман, «Весь мир под крылом», – мечтательно произнес штурман.

– И все же, ребята – сказал командир, – это была судьба. Это было, как наваждение, как вспышка сверхновой звезды.

Он взял зажигалку, поднес ее к сигарете, но не закурил, целую минуту боролся он с желанием закурить, но потом положил и сигарету, и зажигалку, и сказал:

– Мне до сих пор кажется, что если встречу ее – узнаю, непременно узнаю, как тогда, в окне вагона.

– Эх, командир, – вздохнул бортинженер, – да сколько ей сейчас лет! Она уже старая баба, при муже, при детях, сидит где-нибудь на кухне и варит борщ.

На третий день непогода стала отступать, ветер немного утих, сквозь рваные облака, ползущие на запад, проглядывала синевя неба. Самолет один за одним покидали затерянный аэропорт, все пришло в движение, пассажиры топились у стоек регистрации, ожидая объявления посадки на свой рейс. Пришла пора взлетать и экипажу Анатолия Ивановича.

Экипаж занял свои места в кабине, посадка на рейс была закончена, трап с полустертой надписью «Аэрофлот» отъехал от борта самолета, и командир сказал штурману:

– Читай молитву!

Молитвой пилоты называют карту контрольных проверок, что выполняется перед каждым этапом полета.

– Заглушки, штанги?

– На борту.

– Двери, люки?

– Закрыты, табло не горят.

Когда кто-либо, не связанный с авиацией, впервые попадает в кабину современного самолета, то, прежде всего, его поражает обилие тумблеров, рычагов, переключателей, приборов, кажется, что запомнить последовательность их включения, настройки просто невозможно. Возможно, если делать это каждый день, но в авиации полагаться на память не положено, какая-нибудь забытая «мелочь» может привести к тому, что при расследовании авиационных катастроф называют «человеческим фактором» – и техника исправна, и погода не подвела, а самолет упал по вине экипажа.

Когда карта контрольных проверок была выполнена, бортинженер запустил двигатели. Самолет ожил, низкий привычный звук моторов заполнил пространство кабины.

– Пилотирование слева, связь справа, – распорядился командир. – Вася, запроси предварительный.

Второй пилот вздохнул, надежда на то, что командир, наконец, доверит ему взлет, угасла. Он связался с диспетчером и запросил разрешение занять предварительный старт.

– Двигатели прогреты! – доложил бортинженер, и, выполнив карту контрольных проверок перед рулением, командир добавил газ, страгивая самолет с места. Ту-154М, рейса «Архангельск – Одесса» вырулил на взлетную полосу. Дул боковой ветер, не слабый, но допустимый, низкие облака клубились над полосой, грозя вновь уменьшить видимость ниже минимума.

– Взлетаем, рубеж 250, режим взлетный, РУД держать! – скомандовал Анатолий Иванович.

Бортинженер двинул рычаги управления двигателями до упора вперед, моторы взревели, разрывая пространство мощным, тяжелым звуком.

– Двигатели на взлетном, параметры в норме, РУД держу, – доложил бортинженер, и когда командир уже отпустил тормоза, яркий луч света, бог весть как прорвавшийся сквозь многоярусную занавесь облаков, ударил в стекла кабины.

«К удаче», – подумал Анатолий Иванович.

Самолет начал разбег, скорость росла.

– Рубеж!

– Подъем! – звучал в наушниках голос штурмана. Командир потянул штурвал на себя, отрывая переднее колесо шасси от бетонки. Самолет продолжал разбег, поднимая нос к небу, стремясь оторваться от земли, уйти в свою родную стихию.

– Безопасная! – доложил штурман о том, что скорость, на которой многотонная махина уже способна держаться в воздухе, достигнута.

Полоса ушла вниз, под крыло, растаяв в мутной пелене облаков. Самолет, набирая высоту, лег на курс, взяв направление на Одессу. Вот уже набран заданный эшелон, и автопилот, выполняя программу, введенную штурманом в навигационное вычислительное устройство, ведет самолет в Одессу, домой. Под крылом плывут облака, освещенные лучами солнца, а над ними лишь бескрайняя синева неба.

Анатолий Иванович следит за приборами, а Вася с упоением читает своего Чейза. Штурман отмечает на карте место нахождения самолета и вносит поправки в навигационный комплекс. Бортинженер наблюдает за работой всех систем. Все нормально, все в порядке.

И вдруг Анатолия Ивановича что-то кольнуло, какая-то мысль возникла в подсознании, всплыв из глубины памяти, из давних, давно забытых времен.

– Вася, следи за приборами, – сказал он, – а я по салону пройду, посмотрю, как там пассажиры.

Он вышел, прошло пятнадцать, двадцать минут, а командир все не возвращался. Наконец он вернулся в кабину. Вид у него был растерянный. Тревога командира передалась экипажу. Когда командир спокоен, – все в порядке, но если он нервничает, – что-то не так!

– Командир, что случилось? – тревожно спросил бортинженер, впиваясь глазами в приборы, прислушиваясь к звуку моторов.

– Все в порядке, ребята, но там, во втором салоне, – она! – ответил Анатолий Иванович.

– Да, кто? – спросил бортинженер.

– Да, она, она! Та, о которой я вам рассказывал, та девушка, которую я видел в окне трамвая, на седьмой станции! – ответил командир.

– Вот, черт! – буркнул бортинженер. – Напугал, Иваныч! Я уже думал, с самолетом что случилось! А тебе снова призраки мерещатся. Да, представь, сколько ей сейчас должно быть лет!

– Все правильно. И лет ей столько, сколько должно быть. Но это она, она! Я точно знаю! И она на меня так смотрела! Она тоже меня узнала.

– Узнала она его! – сказал бортинженер. – Пялишься на бабу, как ненормальный, конечно, она будет на тебя смотреть!

– Да нет, Петрович, не то, не то ты говоришь. Я точно знаю, это она, она! Все было, как тогда, когда я увидел ее в окне трамвая, словно вспышка сверхновой звезды.

– Ты походил, говорил с ней? – спросил штурман.

– Нет, не походил и не говорил, – ответил Анатолий Иванович, – нельзя, нельзя, Ильич, понимаешь? У нее муж и дочка, они вместе летят.

– Почему ты думаешь, что это муж и дочка? Может просто соседи? – сказал бортинженер.

– Я не думаю, я знаю. Просто знаю, и все. Это она, моя не встреченная судьба.

– Да, детское живет в нас до седых волос, – пробурчал бортинженер, – или на старости в маразм впадаешь.

– У тебя сын, у нее дочь, – сказал штурман. – А может именно в этом судьба? И встретил ты ее тогда, когда нужно?

– Ну, подойди к ней, поговори, – сказал бортинженер, – может штурман и прав, черт его знает?!

Бывает, что какое-то событие, случайный взгляд или запах вдруг вызовут из глубин памяти давно забытые мгновения, и образы прошлого вновь всплывут в мельчайших подробностях, казалось бы, давно утраченных, затерянных, затертых новыми впечатлениями. Анатолий Иванович снова увидел то далекое весеннее утро, когда цвела акация, и солнечный свет пробивался сквозь зеленую листву, пятнами ложась на красный борт трамвая, и даже номер вагона видел он, как тогда, много лет назад. Девушка с короткой стрижкой, с большими, как у испуганного зверька, глазами смотрела на него сквозь вагонное стекло, рот ее был чуть приоткрыт, будто хотела что-то сказать, она смотрела так, как смотрят люди на случайно встреченного близкого человека в чужом, далеком краю, встретить которого здесь, сейчас никак не рассчитывали.

Удивленно приподнятые брови, маленькая родинка на левой щеке, прядь волос, спадающая на лоб – все это было знакомо и близко до боли, будто они уже прежде встречались, но он никак не мог припомнить, где и когда. Он хотел вскочить в трамвай, но ноги не двигались, руки онемели... двери закрылись, вагон тронулся и, покачиваясь на рельсах, ушел, растворяясь, исчезая в зеленой листве; а он еще долго смотрел вдаль, не в силах двинуться с места.

– Командир! Удаление двести, снижаться пора, – сообщил штурман.

– Вася, запроси погоду в Одессе, – сказал Анатолий Иванович.

– Командир, Одесса минимум погоды дает, – доложил второй пилот.

– Будем садиться, – ответил Анатолий Иванович. – Запроси снижение с эшелона.

Призраки былых лет, неясные тени прошлого, знаки несбывшейся судьбы, всплывшие из глубины подсознания, растаяли в напряженной работе по подготовке к снижению и посадке в сложных метеорологических условиях. Там, за спиной, в двух салонах самолета, было двести человек, двести судеб и судеб тех, кто встречает их в аэропорту. И главное, чтобы те, кто встречает, встретили их, живых, здоровых и невредимых.

Геннадий Дмитриев Одесса – 2015 год

Одесса разрешает посадку

*Памяти всех, погибших 17 марта 1979 года, при катастрофе
Ту-104, №42444, рейса Москва – Одесса*

Мелкий холодный дождь. Сырость. Ветер несет с Балтики рваные клочья тумана. Холод проникает за воротник, под одежду, под кожу. Погода обычная для Питера. Все бы ничего, да видимость ноль. Аэропорт «Пулково» закрыт для взлета и посадки. Мы должны были вылететь еще в 11.50, днем, а уже ночь, около двенадцати. Долго еще ждать? Черт его знает!

Я снова вошел в здание аэропорта и поднялся в комнату отдыха экипажей. Весь экипаж в сборе. Молодой парень, второй пилот Ваня Козлов вопросительно посмотрел на меня. Первый раз с ним лечу, его назначили мне в экипаж перед самым вылетом, в Одессе, когда выяснилось, что мой второй вчера перегрелся на пляже и лететь не сможет.

Ваня раньше летал на Ан-2 вторым, на Ту-104 налетал всего 25 часов.

Штурман, Иван Степанович, не молодой, грузный, лысеющий мужик, начинавший еще на Ли-2, читает книгу. Ему не привыкать к нелетной погоде, летал на севере, в полярной авиации, а на старость лет, ближе к пенсии, перебрался в Одессу, потянуло в теплые края.

Бортмеханик Сева, круглолицый, тридцатилетний, чернявый красавец с черными усами на загорелом лице, типичный одессит, франт с Молдованки, времен двадцатых годов, сосредоточено полирует ногти.

– Ну что, командир? – спросил он, оторвавшись от своего, безусловно важного, дела. – Скоро полетим?

– А вот, сходи в метеослужбу и уточни прогноз, что они там по поводу погоды думают? – ответил я.

– А смысл? – сказал Сева. – Пусть лучше молодой сбегает.

И он снова принялся за свое важное занятие.

– Я сбегаяю, я сейчас, – сказал Ваня и направился к двери.

– Во-во, иди-иди, – сказал Сева, – а то все равно дурью маешься, а лучше веник возьми, и на крышу, туман разгонять.

Ваня ушел, но вскоре вернулся, радостно сообщая:

– Видимость улучшается, туман рассеивается. Скоро ростовский рейс отправлять будут.

– А Одесса? – спросил я.

– Одесса пока не принимает.

– Что Ваня? Туман веником разогнал? Мо-ло-дец! – съязвил бортмеханик.

– Да что ты к парню пристал? – сказал я. – Сам дурью маешься. Ей богу, как баба, ногти он полирует!

– «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» – Пушкин сказал. А я гитарист, между прочим, ногти – мой рабочий инструмент.

– Ты бортмеханик, в первую очередь, между прочим. И отстань от пацана со своими дурацкими шуточками! – пробурчал я.

– И не пацан он вовсе, а пилот! Ас! Гроза вредителей полей и тараканов! Расскажи, Ваня, как ты там на своем «кукурузнике» поля кропил, а? Э-э-э-х! – потянулся Сева, расправляя плечи, и запел:

С одесского кичмана

Сбежали два уркана.

Приходите ко мне после полета, я вам такой репертуар выдам! Забацаю весь одесский блатняк!

– Да слышали мы твой репертуар, балаболка! – ответил штурман. – Лучше бы чего-нибудь толковое разучил.

– Толковое на эстраде поют, а то, что я исполняю, вы нигде не услышите, – ответил Сева.

– Ладно, – сказал я, – пойду пройдуся, кофе выпью.

Я вышел в кафе, все столики были заняты, и лишь у одного, где сидели мужчина и женщина и о чем-то спорили, оказалось свободное место. Я взял чашку кофе и булочку, и подошел к их столику.

– Не возражаете, если присяду?

– Садитесь, садитесь, тут не занято, – скороговоркой ответила женщина и тут же вернулась к своему спору с мужчиной.

– Я говорила, я говорила, – выговаривала он мужчине, – надо было ехать поездом! А ты: «самолет, самолет». Ну и где, где твой самолет? Сколько мы уже здесь сидим, и сколько еще сидеть будем? Скажи, ты ведь самый умный!

– Ну, Сонечка, ну кто мог знать? – оправдывался он. – Видишь, погода.

– В Ленинграде всегда такая погода, ты знаешь, и все равно взял билет на самолет. Хоть бы раз меня послушал! Нет, всегда делаешь все по-своему. И что из этого получается? Чемоданы сдал в багаж, а я говорила – не надо сдавать! Сдашь, когда посадку объявят. И где, где теперь наши чемоданы? Мы улетим в Одессу, а чемоданы в Ростов? Да? Этого ты хочешь? Бывают такие случаи, сам мне рассказывал.

– Ну, Сонечка, ну угомонись, – отвечал он, – ты же знаешь, авиация начинается там, где кончается порядок.

Он взглянул на меня и осекся:

– Ой, извините.

– Ничего, ничего, – ответил я, дожевывая булочку, – я привык.

– Товарищ летчик, – обратилась ко мне Соня, – с Левочкой в прошлом году был такой случай в Москве, это уму непостижимо! Расскажи, Лева, товарищу летчику, расскажи.

– Да, Соня, ну неудобно, – ответил он.

– Нет, ты все-таки расскажи, пусть товарищ летчик знает, какие у них в авиации порядки! Расскажи!

– В прошлом году я из Москвы в Одессу летел, из Внуково, – начал Лева свой рассказ. – Погоды не было, рейс на три часа задержали, нас два раза в самолет сажали и высаживали, наконец, когда уже таки собрались лететь, и трап уже убрали, и моторы завели, сосед по креслу спрашивает меня: «И когда же мы теперь в Минводах будем?». А я ему: «Не знаю, когда Вы будете в Минводах, я лично в Одессу лечу». Он к стюардессе, билет показывает, и таки да, самолет на Минводы уже улетел!

– Вот видите, видите, товарищ летчик, – возмущалась Сонечка, – какие у Вас в «Аэрофлоте» порядки, человек улетел в Одессу, а его чемодан в Минводы.

Бортпроводница виновата, – ответил я, – не внимательно билеты проверяла. Да и пассажир должен смотреть, над стойкой регистрации номер написан. Но если уж такая ошибка вышла, то пассажира первым же рейсом отправят из Одессы в Минводы.

– А стюардесса? – не унималась Сонечка. – Ее наказать должны!

– Ну, думаю, премии ее лишили. Но, поймите, все ведь живые люди, каждый может ошибиться, столько народу мимо нее проходит.

– А если летчик ошибется, то самолет разобьется, да? – снова спросила Соня.

– Ну что ты такое говоришь, Соня?! – возмутился Лева.

– Опять ты мне рот затыкаешь? И слова не даешь сказать! – возмутилась Соня, хотя Лева в основном молчал, говорила только она, вынудив его рассказать мне историю с заблудившимся пассажиром.

– Летчик не имеет права ошибаться, работа такая, – ответил я, и уже собирался идти, допив свой кофе, но остановить Сонечку было невозможно.

– Товарищ летчик, скажите, когда мы, наконец, в Одессу полетим? Долго нам еще ждать?

В это время объявили посадку на ростовский рейс. И тут ко мне подбежал запыхавшийся Ваня.

– Ваня, что случилось? В чем дело? – спросил я, обратив внимание на его взволнованный вид.

– Товарищ командир, Николай Сергеевич, Одесса добро дает! – радостно сообщил он.

– Вот видите, – сказал я своим новым знакомым, – скоро посадку на Одессу объявят.

До встречи на борту.

Мы с Ваней отправились к выходу из кафе.

– Экипаж уже к самолету пошел, – доложил он.

– Ну, пойдем и мы, только запомни, Ваня, пилот не должен суетиться, а идти по земле твердой, уверенной походкой. Летчик, бегущий по коридору, вызывает смех, а летчик, бегущий по салону самолета в полете – панику.

Экипаж уже был у самолета, и штурман, Иван Степанович, деловито руководил погрузкой багажа. Ко мне подошел молодой человек в синем болоньевом плаще, в шляпе, с папкой в руке.

– Вы командир воздушного судна?

– Я, а в чем дело?

– Я представитель заказчика оборонного ведомства, возьмите груз на Одессу, – он протянул мне папку, – вот документы.

Не принимая папки из его рук, я спросил:

– Что за груз?

– Комплектующие для выполнения оборонного заказа, адресован заводу «Нептун», груз секретный и срочный.

– Сколько?

– Сколько чего? – не понял моего вопроса молодой человек.

– Я спрашиваю вес груза, – уточнил я свой вопрос.

– Две с половиной тонны, – ответил тот.

– Нет, не возьму. И так загрузка на пределе. Пассажиры, багаж, топливо, чтобы до Одессы дойти, плюс навигационный запас с учетом погоды. Извините, товарищ, но Ваш груз взять не могу.

– Вы член партии? – строго спросил молодой человек.

– Какое это имеет значение? – раздраженно ответил я. Когда мне задают такие вопросы, невольно вспоминаю анекдот: «Товарищ командир, патроны кончились! Но вы же коммунист! И пулемет застрочил снова». – Летно-технические характеристики самолета от партийности не зависят!

– Но от этого груза зависит безопасность нашей Родины! – воскликнул он.

– Видите? Пассажиры к трапу идут? – показал я в сторону идущих к самолету людей. – Вот за их безопасность я отвечаю. А о безопасности Родины пусть думают те, кому это по должности положено!

– Что Вы сказали? – возмутился молодой человек. – Вы ответите за эти слова! Я офицер госбезопасности! Майор!

– Да, пошел ты, майор, знаешь куда? Или тебе точный адрес указать?

Я отвернулся от него и пошел к трапу, бортпроводницы Лена и Света готовились к приему пассажиров, и тут из динамиков громкой связи прозвучала команда: « Командир борта 42445, зайдите в диспетчерскую!».

– Ну, что там еще? – недовольно проворчал я и пошел.

Диспетчер, мой давний знакомый, Василий Петрович, сказал:

– Николай Сергеевич, нужно груз на Одессу взять. Груз оборонного значения, там майор КГБ, его ведомство этот заказ курирует.

– Да видел я этого майора, послал его куда подальше. Пойми, Петрович, у меня предельный вес, 78 тонн, на нарушение не пойду, сам знаешь, чем это обернуться может.

– Идти на нарушение тебя никто не заставляет, другим рейсом отправим, но послал ты его зря. В Одессе у тебя могут быть крупные неприятности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.